

16+

Торощин Роман

НЕСТИХИ. КНИГА ВТОРАЯ

Роман Владимирович Торошин

Нестихи. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63352837

SelfPub; 2020

Аннотация

Нестихи. Иначе не назвать. Некие поэтические этюды, созданные без использования рифм (книга вторая).

Роман Торощин

Нестихи. Книга вторая

«ПРЕДИСЛОВИЕ»

Ты когда-нибудь думала, что такое память? Человеческая память? Что это? Это как сила или как расстояние? Как её измерить? Какой линейкой, в каких единицах? В радостных вздохах, в слезинках?

Но точно не в днях или часах, потому что они предательски непостоянны и от природы хрустально хрупки.

Или может в запахах? Ну, одно неизмеряемое мерить другим неизмеряемым, по-моему, логично)))

Мы часто путаем память с сохраненной информацией, это не одно и то же.

Информация – это мозг, память – это душа (или нет такого органа? тогда, о чем я?!)))

Информация не может быть отрицательной – это лишь нули и единицы.

А вот память, проходя через узкие ворота сердца, причудливо окрашивается.

Но порой всепрощающее время выбеляет темные цвета, хотя не всегда удачно. Тогда получаются пятнистые воспоминания, ну или полосатые. Всё зависит от устойчивости душевного пигмента...

В памяти все наизнанку, всё вывернуто центром наружу,

все границы спрятаны внутри, и кругом разноцветный туман.

Можно лишь нащупав в этом фруктовом молоке что-то бесформенное и пульсирующее, пытаться вслепую возводить свои перевернутые пирамиды.

Но таков мир памяти – мир, где из улыбки вырастает радуга, а из радуги, как изумрудные капли краски на промокашке, вырастают луг, перелесок, васильки, облюбовавшие небо, пунктир белой стаи, пронзившей облако... и закинутые за голову руки, и гул шмеля, травинка в углу улыбки, той улыбки, из которой вырастает радуга...

«НЕБО»

Ты невероятна, как эта синева в розовом небе. Глядя на тебя, можно задохнуться. Ты целый мир. Пускай, не мой. Жаль, не мой. Удивительно понятный, неинтересный, но прекрасный. В тебе ветра по расписанию, дождь мокрый, а солнце слепит. И даже бездны неглубоки, но блестят невероятно.

Твои танцы огонь не люблю. Фианиты в твоих раскрытых ладонях не имеют цены ладони твои. Зачем мне эти бусины, зачем тебе моё золото? Мне нечего с тобой делить навсегда.

И поэтому право стрелы, как клеймо калёной любовью, на моём левом плече.

Эти расставания без встреч, эти искры во льду, эти росы глаз – всё это бессмысленно и свербяще, как случайная пуля

в подворотне, рикошет, сбивший птицу, птицу без полета, птицу без гнезда. Лишь опустелые поля порой вспоминают тень её силуэта, скользящего по замерзшему небу...

Хорошо, что снайпер стреляет всегда точно в сердце, второй свинец в ту же рану не приносит боли, пролетая насквозь, экспрессом.

И май, и вечер, и растущая луна души... Все эти боги требуют жертв. Давай им перечить. Давай прощать слабых и топить их в стеклянных глубинах. Давай с улыбкой встречать бессердечных и обращать их в прах ударом обратной стороны цветка.

Мне бы только собрать все свои тени в кулак, стать вновь со стальным взглядом, с алмазным дыханием и обжигающе холодным. Тогда вернутся крылья, и останется далеко внизу та, что впускала синеву на свои розовые луга, та, что растворялась в прибрежной волне, та, что соловьиным эхом затихла меж мраморных колонн и сакуры.

«ЗАПАХ»

Самое для меня загадочное и непознаваемое проявление воспоминаний – это запах. Как его описать? Ведь сирень для каждого пахнет по-своему, тем более в прошлом. Запах памяти – это хитросплетение светотеней и лопнувших мгновений, и душа колышется на этом сквозняке от неприкрытой двери в былое. Каждый человек, который живет у нас в сердце, состоит из милых мелочей, он, как пазл, складывается из

фотографического полуоборота с прядью волос, лёгшей по ветру на лицо, из смеха, из цветочного куста, по которому только что прошла ладонь, из силуэта, сливающегося с сумерками. Когда мне нужно собрать твой пазл, я в первую руку беру тот вечер без названия и даты, где-то на закате прошлого века в каком-то уже неважном году. Была зима, хотя в душе был март. Мы (кто «мы» – не помню, просто «мы», ну если хочешь – «детство»), итак, мы сидели у тебя в комнате при свечах и слушали музыку... пока я пишу это, память начинает подбрасывать мне пыльные детали, которые давно лежали нетронутыми на мнемоническом складе... это были маленькие колонки, они подключались к плееру... вот только цвет не разберу... не красный ли? Мы сидели молча и слушали. Чуть позже в «Утренней почте» Николаев рассказал, что в этой песне поётся о том, что «ты уже не та маленькая девочка, время идёт...». Помнишь, он перед иностранной песней всегда рассказывал краткое содержание, чем портил магнитофонную запись... так вот, мы сидели и слушали... я сейчас понимаю, почему мы так беззвучно и бесшумно сидели – мы впитывали тот вечер, забирали его с собой в будущее... но я никак не могу воспроизвести в памяти запах, запах твоей комнаты, запах первых чувств... мне кажется, что этот запах, как пароль ко всему детству, он как недостающая деталь в часовом механизме, стоит его добавить, и где-то в глубине коробки что-то затикает, заскрипит и медленно, но уверенно раскроется шкатулка, и заиграет музыка, и

закружится балерина, и детство уже никогда не покинет меня, всегда будет под рукой, как старый, пушистый кот. Хотя, может в этой незавершенности картины прошлого и есть её ценность. А ценность эта заключается в том, что каждый раз, когда Мнемозина поманит нас забытым штрихом, по душе пробегают мурашки, это значит, душа ещё жива!

Не исчезай! Ты единственное доказательство моего мушкетерского детства!

«БАШНЯ»

А если это не выход?

А если выхода нет?

А если все надежды на панацею, как туман утренний?

Он не рассеется, он поднимется вверх и станет беспроблемным низким летящим небом над головой.

Вот это и есть отчаяние – когда боишься открыть глаза и увидеть, что кругом ни одного солнечного блика, лишь неподвижные серые пятна на серых стенах... и ты уже никогда не проснёшься, улыбаясь.

Можно лишь перетерпеть эту боль и стать прозрачным в бесцветном мире – стать неотличимым...

И бежать...

Бежать на край света, на край серого цвета.

И там, на разрушенной башне, на самой её вершине, над которой пролетают ключья облаков, безнадежно раскинув руки, беззвучно выть...

и слезы высыхают, не успев упасть, и высыхает безутешное тело...

и прах к праху льнёт, льнёт с последней надеждой, которая колышется миражем за той гранью, где каждое устремление достигает своего нуля.

«НОЧНОЙ ПОЛЁТ»

На пересечении музыки и книги рождается особое томление души.

Когда слова ложатся на нотный стан, а мелодия витиеватым предложением звучит с печатной страницы.

Ближе к полночи, когда мир затихает, и лишь внутренние ходики гулко тикают в ушах, в глубине что-то начинает шевелиться, перетекая из формы в цвет и обратно.

Первыми в эту игру вступают переломленные тени и шест невидимых авто, развозящих по ночным проулкам сновидения.

Как будто на маленькой сцене в парижском клубе творит свою джазмагию Жак Люсье – сначала щеточками по барабану, как гребнем по длинным волосам...

Потом вступает контрабас... это за окном мерно засветила холодная луна и внезапно синкопой сверкнула на глянцевой обложке отложенной книги.

Зал замер, зал ждёт маэстро... Прожектор, прозрев, мягко раздвинул темноту над роялем, длинные пальцы поставили на черную лакированную крышку бокал с пригубленным

коньяком...

взмах толи крыла, толи руки и пролились первые ноты. И потекли «Времена года» с аллюзиями, с мечтаниями, со своими ветрами и закатами...

Это заиграла память. Память, она же может жить по обе стороны вдоха.

Бывает память воспоминаний, а бывает память грёз.

В первом случае мы сотрудничаем со временем, а во втором – мы им управляем.

К примеру, мы можем с особой русской негой, будто морозным вечером в открытых санях, укутавшись с богатым тулуп, понукать – «Эй, возница, притормози, дай послушать, как падает снег...».

Или запускать мгновения в беличье колесо и бесконечно наслаждаться ароматом чая тенистым июлем на поскрипывающей веранде.

Мы можем вспоминать наши несбывшиеся мечты. И от этого придавая им временную прописку на временных территориях наших поселений.

В этих трещинах между секундами способна поместиться целая жизнь. И скромно, не афишируя своей всемогущности, мы стоим чуть в стороне, как молодые боги, тихо улыбаясь сотворенному...

Поймите же, эта ночь – наша собственность. Это индивидуальная ночь. Не трогайте наши темные часы. Наступит свет и наступит ваша власть. Но сейчас – приватное время.

Не обижайтесь.

И не подсматривайте. Да, я без одежд не узнаваем. Я чуть выше и худощавее, и эти мокрые перья, что остались на спине, поредели... это раньше они горделиво сверкали на солнце...

Но мне хватит моих крылатых сил, чтобы одиноко парить этой ночью над спящим городом. Одиноко. Не бойтесь этого слова и не вините за него.

Одиноко – это не значит «без вас», это значит – «свободно». И нет печали в том полёте, ибо истинное одиночество живет на горных вершинах, где любая влага, даже слёзы, поднимаются вверх, и облаками уплывают туда, где ждут тени в жаркий полдень...

как ждут спасительных ночных часов демиурги кучевой облачности.

«НАШ ЛЕС»

Выявить шпиона очень просто. Он ничего не знает про лес. Про наш лес.

Лес – ведь это не флористическое явление, это, скорее, время. Это время года, суток, жизни, в конце концов.

Никогда наш лес не был зимним дневным. Мороз и солнце – это 7 класс, урок физкультуры. Неровное дыхание, кристаллами замерзшее на воротнике свитера, потерянная шапка, предательский провал лыжни, протоптанный каким-то вредителем, и нелепый пингвиний бег по обледенелой доро-

ге, там, где небожители применяли коньковый ход.

Наш лес всегда имел тень или темноту с «провалом дышащих шахт», которые рифмовались со словом «такт». Да, у нас был единый такт. Мы были гениальны в своём лесу. Квантовая физика упрощала наши споры, подводя единый знаменатель, а сочиненный мотив мог служить аргументом в отстаивании ничейной точки зрения.

Наш лес умел заплетать тропинки каждый раз заново. Он, готовясь к встрече, двигал столбы и перепрятывал поляны. Шарадил, как умел.

Наш лес, как виртуозный осветитель, затемнял наши лица.

Его брильянты были чёрны. Переливая ночь с грани на грань, он пульсировал чернотой в темноте. Но как же наш путь был светел.

И сейчас, сквозь стекло, всматриваясь в уплывающие силуэты мыслей и ветвей, я ясно осознаю, что гениальность, это не сумма талантов, это просто понимание того, что весь мир можно уместить в одну ноту. Кто-то ищет эту ноту, и получается Битлз. Мы же, шутя, жонглировали целыми партитурами, не желая ни славы, ни успеха, не желая даже знать, что это такое. Ценность имел лишь тот миг, когда мы почувствовали скорость падения Земли в ледяной пустоте звездного одиночества...

«ПУХ»

Индустриальные облака над моим городом, и даже в них скрыт какой-то секрет, простой и всеответный. Но пух предательски хрустит под ногами, и перепуганные границы становятся тверже.

Ждать – чего? Ждать нечего. Ждет лишь пустота...

Полёт до первой кромки облаков, полёт до середины потока и назад. Не отведав яблок двусторонних, не примяв травы, что зеленее, не сжав в ладони искристый песок, выйдя из пенной волны. Только в глазах отражение, только в глазах...

И продолжать жить в пол-оборота, ловя каждое колыхание воздуха, угадывая полупрозрачный аромат среди грязной палитры толпы. Может это просто слепое желание выдать сердечную боль за душевную боль? Но что за природа этого тумана на глазах, который укрывает все углы и трещины? Кто тот тайный художник, что рисует струящийся образ на медленных гранях бриллианта?

Всё будет весело и больно, и нестерпимо одиноко по дороге меж огней. Теперь я знаю, что чувствует фантом, тот, кто исчезает, лишь стоит отвести взгляд.

Но кто первый из нас дрогнет – не важно. Кто-то дрогнет. И эта трещина на двоих. Улыбчивый нож знает, как рассмешить плоть... Но лишь бы не было стыдно. И пусть будет грустно, но не горько.

Теперь награбленное в твоих карманах, ты знаешь, что с этим делать.

Всё так мило, всё так поздно...

«УПАВШИЙ ВНИЗ»

Вот уже несколько дней преследует меня эта мелодия. Никак не могу понять, о чем она? Толи о ветре, толи о тебе... а может ты и есть тот ночной осенний ветер. Ветер без шелеста. Милосердный и равнодушный.

Я люблю тебя. Вновь. Но даже в этих грезах нет тех садов, тех тенистых садов, где переплетаются наши ветви. Так что же я в тебе люблю, если всё в тебе чужое? И смех-как фольга, и взгляд-как холодный камень на дне горной реки, и прикосновение, будто отодвигаешь торшер в темноту.

Но я не желал бы иного. Не в этой жизни. Здесь слишком много несовместимых углов, слишком много других миров. И эти две прямые красивы, но они не пересекаются, как не убегай взглядом в обманчивую даль. Нет. Я проверял это на краю света.

И даже если наши дыхания столкнутся в слепых сумерках, то они не смешаются, и не потеряв ни капли, вернуться вдохом обратно. Как два мягких камня, столкнувшись и не почувствовав друг друга, катятся с горы по разным склонам.

И если ты полюбишь, полюбишь вновь меня, печальным будет следующий день, и ночь будет в недоумении. В недоумении. Без-завершенного-умения. Потому что ты лишь красивое сочетание цифр, которое на придуманном мною языке должно было означать «вечность», но оказалось вновь лишь несуществующим номером телефона.

И хочется, пошатываясь, уйти в ночь, унося за горлышко,

как свою жизнь, недопитую бутылку виски. И допить. Без ожидания чуда, без надежды, без иллюзий. Допить, чтобы туман стал горьким на вкус, чтобы звезды стекали по щекам, и ветер завывал сквозняком в груди.

Вот эта секунда падения сродни полёту. Эту секунду буду помнить, растрескавшись на камнях, нелепо и гуттаперчево подвернув ноги. И в стекленеющих зрачках будет кружить перо, слетевшее с крыла горлицы, испугано вспорхнувшей от глухого звука упавших грехов.

«№47»

Что-то закончилось. Что-то началось? Но что? Море протекло за горизонт и свесилось переливающейся каплей с края земли. Другим концом оно затекло в душу, и, видимо, подмыло древние стены, улыбчиво и настойчиво разрушая устои.

Пейзаж не меняется, меняется лишь время, неумолимо удаляясь от начала координат, от того начала, которое затерялось где-то в созвездии Третьей Медведицы и оттуда мерещится.

Да, что-то закончилось. Не дозвенев. Но как этому взглянуть в глаза, вновь повстречавшись в коридорах будней. Что там увидишь? Зеркало, обращённое в белесое небо? Не свой силуэт? Обманчивый карнавал? Или что-то маленькое и чёрное, холодное на ощупь, как куриное бердрышко из промышленной морозилки.

Но ведь оно закончилось, не стоит искать продолжения,

его не может быть, волна не может восстать из песка и уйти обратно, туда, где ветер поцеловал сине-зеленую гладь...

Тёплые сосны уже не пытаются запомнить все, что мельтешит у корней. Они глядят на дальний берег и берегут своих цикад, которые наигрывают незамысловатые хиты про жару, про июнь с июлем. И скорее всего сосны танцуют под эти мелодии, когда мы не смотрим, когда мы невнимательны.

Какая следующая цель? Какое следующее самопожертвование? Да, так неверно, так чересчур. Но если всё делать по законам оптимальности и выгоды, то исчезнет поводы выпить с этим небом. Зачем облакам приземленный собутыльник, который и не помышляет о полёте, верно рассчитав сто-процентную вероятность падения. Но не все знают, что после 100 счёт продолжается, и шанс ещё остаётся...

И пускай всё только заканчивается. И пускай возможности под всеми парусами проплывают мимо, не обращая внимания на призывные танцы одинокого островитянина. Ведь не известно, какой айсберг подстерегает их на краю тёплого и уютного течения. Ниспосланное бревно порой надёжнее. Оно знает дорогу домой.

А пока паруса алеют, уплывая в закат, можно в неспешной прохладе оглянуться на грядущий рассвет и, пересчитывая волны, мечтать ни о чем. И осторожно привыкать к мысли, что вскоре придётся прятать себя под слоями одежды, чтобы притвориться одним из матросов на портовой площади в далёкой стране, где длинные ночи.

«В ИЮНЕ»

Хороший день. В такой день не хочется торопиться. Хочется сидеть на лавочке в своем тихом дворике, смотреть на листву, слушать гомон городских воробьев и следить за облаками, которые проплывают в раме крыш, легкой улыбкой кивать старожилам, проходящим мимо с неполными сумками из магазина. И внезапный полосатый и прыгающий мяч закатится под лавочку, и молодая мамаша, извиняясь, вприсядку будет выковыривать непослушную сферу. А потом нарочито строго в полголоса отчитает белокурую бестию 2 лет от роду, в жёлтом вельветовом комбинезоне, на коленках которого размазан одуванчик. Где-то хлопнет окно, и кого-то позовут обедать, гремя невидимыми тарелками. По двору, шелестя струями, проедет пузатая поливалка – владелица собственной маленькой радуги. Неизвестно откуда прилетит запах свежего хлеба (он всегда какой-то детский, это запах). И на миг покажется, что вот-вот из-за того куста сирени, что заполз за решетчатый забор, выскочит девчушка в цветастой курточке и побежит куда-то вприпрыжечку, взрослея на ходу. Что ее ждёт? Тверская и Тишинка, Динамо и Чистые пруды. Люди, которые станут роднее и дальше звёзд. И книги, много книг. И мысли, и чувства...

Дома становятся ниже, и уже не заслоняют небосклон. Как же прекрасен сияющий ультрамарин, как много в нем надежды и веры, и любви...

«№019»

Это был необыкновенный год. Это был самый необыкновенный год. Год, когда я изменился.

Это был год сомнений и чудес. Это был год отчаянья и фейерверков. Дни тянулись и дни летели, сутки не перетекали друг в друга, а одинокими метеорами медленно опали в вакууме времени...

Были сошедшие с ума вечера и невероятно блестящие утра. И комета озаряла эти багряные небеса. Ни один астроном в высоком звездном колпаке не сумел предсказать её появление, устало щурясь в свой телескоп. Ни один астролог в бархатном халате не смог вычислить её, колдуя над линиями и вероятностями. Эта небесная гостья просто не умещается в разуме, она просто не умещается в воображении. Это глубины под водой, это сверкающая алмазами вершина за облаками. Лишь звёзды могут с ней перешептываться. И то, если вдруг ей станет любопытно их послушать. Мне пришлось сбросить в море все свои украшения и доспехи, и отчаянно беззащитным подняться на обгорающих крыльях в ту темную синеву, чтобы выкрикнуть запрещённое имя, замереть на мгновенье, озарённый невиданным мерцанием, и заваливаясь на спину, неотвратимо соскользнуть в пике. Но это того стоило.

Я не искал острых ощущений, я не имел пустот, тех, что заполняют, учащенно дыша. Мой мир был крив, но устой-

чив. Теперь в нем падает штукатурка, и из щелей струиться вода и свет.

А там, за шаткими стенами с небес свешивается огненный локон, и Луна мерцает в её хвосте. Не в силах удержать себя, я пустился в путешествие в поисках Ultima Thule, в поисках моей далекой страны.

Можно быть рядом, можно держать её дороги в своих ладонях, но не приблизиться к ней ни на шаг. Можно бродить по её закоулкам, но не пройти сквозь столбовые ворота. Можно взобраться на все её башни, но не увидеть площадь в огнях. Её не объять, даже если обнять.

Но все просто. Просто эту страну не надо пытаться понять, она не загадка, она не задача.

Она есть. Просто есть. Как та стена света...

Она есть, чтобы знать, что существует что-то БОльшее, что-то невозможное... чтобы вновь поверить в чудеса.

Чтобы вновь убедиться в нерукотворности этого мира.

«ВЕНЕРА»

Расскажи, как там на Венере? Какая там погода? Наверно, чудная.

Ты говоришь, что там нет иных времен года, кроме весны и золотой осени? Красиво.

И там бабочки живут по 300 лет, каждый день меняя крылья? И поэтому рощи, где они обитают вечно устелены разноцветным ковром, который нежно хрустит под босыми но-

гами. И идти по нему, словно скользить по щёлку?

И день начинается с чистого рассвета, и голубое солнце всходит на золотом небе?

А ветра? Бывают у вас там ветра? Утром теплые, а в жару прохладные? И все пахнут сиренью и кипарисами? И из любого окна видно море?

А дожди? Каждый заказывает себе сам, когда хочется попрыгать по молочным лужам или пройти по радуге?

А чем на Венере пахнет счастье? Тишиной и деревом? Теплым деревом и пушистой тишиной? Как прохладная подушка после жаркой полевой дороги?

А что вы там едите? Васильковые облака? Прямо ложкой? Прямо с неба?

Но у вас же бывают беды? Нет? Почему? А, вот как... Вы не вмешиваетесь в правила мироздания? Но вы же ссоритесь друг с другом? Ну хоть иногда? Ну хоть по мелочи? Ты хочешь сказать, что смех не позволяет вам серьезно к несоответствию?

Но почему ты оказалась тогда здесь? У вас на Венере закончилась любовь? А разве любовь – это так важно? Но ведь голубое солнце и золотой небосклон, разве этого мало?

А откуда этот ветерок, что колышет твоё облачное платье? А... Так вот что значит золото в твоих волосах и голубые брызги глаз... Ты была там небом?

И каково тебе на Земле? Здесь надо постараться, чтобы увидеть бриллианты.

Но посмотри в мои глаза. Среди этих достопримечательностей ада, смотри в мои глаза. Ты видишь с них ворота? Единственное преимущество Земли в том, то этом пекле есть выход.

Тебе понравится на той стороне. Там нет небес, там нет воды, там есть только ты и я. А это больше, чем триллион вселенных. Ты безошибочно выбрала сталкера.

«ТРИ ВЕТРА»

Жара. Духота. Занавеска безвольно висит, словно покинутый храм. Самое время поговорить о ветре.

Кто-то считает, что ветер – ёлок не просто пригоршня воздуха.

Адепты этого учения верят, что ветер легок и свободен. Он не имеет долгов и забот. И если он залетел в окно, то это лишь его воля.

Эти люди устраивают праздники и носят на голове прозрачные и трепещущиеся накидки. Они трясут деревья и шелестят травой. Они с детскими и наивными глазами выходят по утрам на дежурство и играют на флейте незамысловатые мелодии, веря, что они нравятся ветру.

И любое дуновение считают добрым знаком. Жаль, что ветер не знает об их существовании.

Другие же считают, что ветер похож на хвостатый столб. И все порывы из одного родника. Не столб носится по миру. Столб неподвижен. Он пронизывает всю Вселенную. И

мы без тормозов кружим на нашем голубом и дымном шаре, неряшливо цепляясь шляпами и хлопающими дверями за его протуберанцы. Но штурманы в своих будках порой теряют бдительность, и корабль неотвратимо несет на прозрачные глыбы упругого ветра, что разбросаны в сумрачной пустоте. Эти *windberger* не знают пощады. Они не имеют целью развеять туман или притушить жару, не имеют целью разрушить города и вспенить волны. Они не имеют цели.

Единственное, что по нраву летящему воздуху, это нести в своих ладонях нежные цветки сакуры. Тогда он улыбается и танцует. А если нет поблизости дикой вишни, то тогда понять мысли ветра не получится. Он выше мыслей. Он сам повод для них. Такой ветер похож на божество, и нет повода для радости в этом учении.

Но в глубоких пещерах, что находятся у вершин гор, живет племя, незнающее времени. И поэтому они и не ведают поклонов или страха.

Они по вечерам скручивают ветер в бурлящий комок и катают его по каменному столу, пока готовится их кислый чай с маслом и соленым вареньем. А потом весело швыряют ветер в ущелье и глядят, как тот разворачивает крылья и ярко-прозрачной бабочкой уносится вниз в скрытые облаками долины. И так день изо дня.

А где-то на ультрамариновом небосводе качаются звёзды, и невидимые и безымянные порывы сдувают с них серебряную пыль, что кружит и с тихим перезвоном оседает на вис-

ках молчаливых капитанов бескрайнего плавания.

«ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

Пустая Москва. Белая Москва. Город переливается иллюминацией, как стеклянная страза. Она слегка покачивается, будто игрушка на огромной рождественской елке в бальной зале. Но не от танцев и веселья. От сквозняка, который тут же заполнил послепраздничную пустоту. Эхо отыгранного вальса уселось на обитый полосатым бархатом стул с высокой спинкой, отдышалось и, беззвучно скользя по паркету, что игриво отразил огромную люстру, двинулось к полуприкрытым белым дверям, с резной филенкой, и скрылось в реверансе...

На одиноком столике в забытом бокале продолжало бурлить шампанское, искрясь и не замечая, что все уже разошлись, и уже никому не нужен его золотистый задор...

Москва ежилась в легкой курточке и огромном шарфе. Она уже давно привыкла к более теплomu ветру.

Но оконное стекло кафе заботливо спасало, уютно отражая плывущие мимо фары и невидимые струи холода.

Над столиком зависло облако ароматов и воспоминаний, тех, что как подзорный калейдоскоп, по-своему открывают неведомые дали.

Еще нет бездомный собак, что в одиноком удивлении, бродят в поисках ответов.

Еще окна святятся праздником.

Еще дверные ручки не съежились от страха.

И скорая не спеша возвращается на базу.

Еще время Рождества.

Лимон, словно что-то летнее, плавает в чае и манит. Пирог надкушен, но не сломлен, не побежден.

Слова, как пар над чашкой, легки и вкусно пахнут. В этих маленьких облачках живут беззаботные феи прошедшего, пускай даже грустного, но все равно прошедшего, значит прощенного.

Как по волшебству, из воздуха и улыбок рождаются испанские поля, московские дворики, американские мокрые ветра, греческие серебряные волны, и все радует глаз и щекает душу, будто бенгальский огонь над ладонью.

И даже кривой и промозглый переулок, что пересекает память, не становится преградой, а становится аллей. И из старых стен проступает сиреневая весна. И время отлучилось на минуточку. Но только что-то сдавливая грудь, когда рассеивается это хрупкое облако...

и остаётся лишь дорога по замершему городу...

среди огней и колючего ветра.

Дорога к маю.

«БЛИКИ НА ШАРЕ»

Серый рассвет,

Сквозь колючее утро

Мимо себя

Со счастьем навылет.
Нет горизонта, потому что нет неба,
И облака хрустят под ногой.

Нету опоры – всё вязко и хрупко
или всё ветрено, словно туман.
Ключья, осколки, нелепые письма,
Нити без связи,
Сумерки в поле.

Как в феврале, всё белесо и колко.
Вьюга-подруга, незваная гостья
Не убегает и не уносит
Просто сидит в уголке.

Захлопнулся шар – бесконечность повсюду
или предел – если мерить на ощупь.
Но где-то есть звезды, и где-то есть запах,
Запах надежды,
Чего же желать ещё?

Но всё это лишь блики на шаре,
Что вертится детской прихоти ради
На праздничной хвое средь прочих игрушек,
Сверкая в провалах меж тиканьем стрелок....

«АВГУСТ»

И снова осень заблестела в твоих волосах. И снова небо поднимается выше на крыльях перистых облаков. Необычная смена сезонов – после зимы, перепрыгав за глухими стенами капель и жару, время вновь разукрашивает воздух золотом. Дыхание сбивается от такой жесткой склейки и мир, как чай в стакане на столике нескорого поезда, колючей дробью дрожит и не укладывается в ровный глоток, обжигая губы. Как сказал мудрейший – наступает времятресение. Как будто финальная страница романа опалена огнём, и книга закончилась нелепо, без развязки, на полуслове. И уже никто никогда не узнаёт, встретил ли герой рассвет, сидя на несметных сокровищах, глядя на смиренный океан...

Вечер включил люстру-Луну, которая проявилась сквозь сумрачное марево и повисла, похожа на лимонную дольку – прозрачна и желанна. Трасса струится и мигает на излучинах. Храм чернеет на тлеющем небосклоне, и верная звезда блестит над крестами, как Прощальная Надежда.

И всё, что впереди и всё, что за спиной, отошло в сторону, как будто центробежная сила растянула жизнь на повороте.

Вот лавочка. Вот кисель воздуха. Вот тишина, в которой нет места тиканью и звону. Сел. Почему-то тяжело выдохнул. Хотя понятно, почему. Потому что листва опадает, потому что ветер уже разгоняется где-то за горой, и принесёт он низкое небо, что пролетит, и не заметишь... а Любовь... а Любовь накинёт легкий сиреневый плащ на крылья и по-

бредёт по замолкающим вечерним переулкам, вглядываясь в желтеющие окна. На асфальте не найти ее следов, лишь тонкий, как осенняя паутина, шлейф ее аромата угадывается в ветерке, который гладит уже приготовившиеся листья в холодном свете бессонных фонарей... голова туманиться, наверное, будет дождь...

«АЛЛЕЯ»

У каждого должна быть своя аллея, не уголок, а прямой и тенистый простор с надеждой в конце.

Это дом души. Ведь для души не нужны стены, уютный торшер и тяжелые гардины. Такое место подходит для отдохновения, для томления тела.

А душа, она как птица, она живет среди веток. Она как бесформенная шаль, ложится меж крон и расправляет свои скомоканные просторы.

Вы же замечали осенью, как дымка стелется над дорожкой среди сиротеющих деревьев, и солнце купается в этом тумане. Это не природное явление, нет.

Это люди выгуливают свои уставшие души. Видимо, Господь создавал человека осенью. Ведь именно в эти золотые и мокрые дни так хочется куда-то вернуться. В неведомую, потому как невидимую, обитель. Это память о миге сотворения.

Та первая суббота была осенью, это очевидно...

Потом пришел грешный ноябрь и зимние века скитаний.

И была весенняя милость и летнее медово-голубичное упоение. Всё было. Все еще будет. А пока есть лишь это мгновение. Вечная секунда, когда золото, словно отколовшийся солнечный блик, наискосок через штриховку кустов, падает на ждущую землю...

Прислушайтесь, в этих аллеях водится особенная ароматная тишина. Как будто прозрачные голуби с кленовым сиропом внутри порхают меж черневших веток осин. Каждый шаг не стучит в стынущем воздухе, а как биение сердца любимой, нежно ложится в листопад.

Деревя упираются своими головами друг в друга, склоненные, укрывая остатками редяющих шевелюр каждого, кто принесет в их сени незамысловатые подарки – шелест разговора, тихий взгляд, хрупкие мечты, и дыхание самой чистой любви – любви без сожалений и ожиданий, без надрыва и страстей, любви, от которой отрывается дверца, и душа улыбкой летит в воскресное небо осени...

«Я НЕ ЗНАЮ»

Я не знаю, что мне делать теперь.

Каждый глоток камнем застывает под сердце, камнем виснет на шее, камнем ложится в руку. И дело даже не в этих 2 миллионах мгновений... Нет.

Дело в одно секунде, которая произошла, которая сверкнула и трещиной пробежала по всей жизни. И не склеить, и не зашить. А впереди туман, густой и темный, а из-под его

клубов вытекают кровавые ручейки, и в Ороны кружат в ожидании своих нешевелившихся трофеев.

А ты по ту сторону фантазии, и у грусти твои глаза.

И я не знаю, что мне делать теперь.

Дымятся осколки торчащих деревьев, на земле нет опавших листьев, нет травы, земля обнажена, без кожи, иссиня-лиловая, в саже произошедшего. Возможно за горами, что скрыты невозможностью, кто-то улыбается, и детский смех летит в голубое небо, и бабочка замерла на качающейся ромашке... Возможно, там уже забыли или простили низвержение, возможно...но я не верю в те края. Если только эти бирюзовые просторы безлюдны, и на них тихо смеются те самые бабочки... и ты...

Ты так же легка и так же пернатая. Ты переливаешься на солнце. Когда твои крылья нежно распахнуты, то не стоит искать иной красоты. Когда ты садишься на раскрытые страницы еще ненаписанной книги, то пропадает смысл творить. Твои движения плавны и ритмичны, твой полёт, словно лист в ручье, сам ветер тебя заботливо кружит, вытанцовывая. Сам свет тебя гладит, не давая померкнуть.

Но я не знаю, то мне делать теперь...

А здесь, во вчера, каждый вдох может принести как жизнь, так и нет.

И, видимо, в бутылке пробоина, потому что она пустеет, пустеет, пустеет...

И иллюзии, не успев принять упругую форму с радужны-

ми переливами на боках, тяжело оседают в правом подреберье.

И кто-то натянет поглубже серую кепку, стряхнет выдохом пепел с глубоко посаженной между пальцев сигареты, ещё больше сгорбиться под ношей недоношенных стихов и выйдет из столба красного света, сгнув в темноте, в шуме, в одиночестве. Не желая и не смея изменить ни слова в улетевшей песне...

«БАКЛАН»

Давай поговорим об островах и океанах. О песке сквозь пальцы и брызгах звезд. Давай посмотрим, как над бесконечной водой летит большая и сильная птица с таким глупым названием «баклан». Летит сквозь клочья туман между двух синев. Солнце порой сверкает на его мокрых крыльях, Луна порой серебрит его виски.

Что он ищет? Гнездо, пищу? Его полёт стремителен, но к чему это стремление? Знаешь ли ты? Знаю ли я? Знает ли он?

Что он ищет? Еще больше воды, ещё суше землю?

Почему он летит, изнемогая? Ведь море для него тот же дом. Почему он летит?

Ведь он почти рыба. И ни к чему пустые траты сил. Сядь на волну...

«Но тогда небо опустеет – отвечает он. – Небо так же одиноко, и пока я в нем, в нем есть смысл. Лишь крыльями мож-

но тренировать упругость неба. Лишь полётом. А то оно за-
растёт травой и станет пастбищем».

«Разве вы любите разбавленную воду? – продолжала пти-
ца. – Так почему вы готовы носить на головах дырявые небе-
са, и отчего вы готовы слушать грохот падающих облаков.
Это печальный скрежет с каждым днем становится, как поля
в школьной тетрадке, отсеченным и обыденным уголком ада.

Вы просто никогда не видели свой мир с высоты. Именно
поэтому я выбираю морской простор.

В нем нет квадратных цветов, что растут по расписанию.

В нем нет машин, что несутся друг от друга по кругу.

И там нет тех, кто имеет равные части себя, и сложен из
дней наперёд.

В вашей математики все числа ползают – а я из того пле-
мени, где умеют считать лишь до единицы, но она крылатая.

Так для чего вам моё щебетание, это язык неба. Он вам
никогда не пригодится, лучше изучайте земельный кодекс и
перестукивание».

«Птица, возьми меня с собой! Я скрывал от всех своё уме-
ние идти в отрыв, и я хочу видеть дальше горизонта. Я при-
делаю к рукам все свои исписанные листы. Как думаешь, они
похожи на перья?»

Баклан склонил голову, неуклюже сделал пару прыжков,
острым крылом оперся на небо и стрелой начал набирать вы-
соту... Потом обернулся и без сожаления посмотрел на глу-
по прыгающего внизу человека.

«УБЕЖИЩЕ»

Серый дом уплывал в серое небо, вчерашний разговор комом стоял в горле, и пустота надвигалась с неподкупностью циклона. Самое время прятаться.

У каждого есть своё убежище, своя пещера...

Полупустая кухня где-то на окраине. От рождения покосившаяся плита, серая от вечных, как мерзлота, пятен застывшего жира. Пузатый холодильник, который помнил запах миллиона пачек красно-белых пельменей. Два-три шкафа, висящие с пробелами, как уцелевшие зубы. В небольшой раковине по-натюрмортному небрежно валяются соляная кружка, тарелка со следами горчицы и вилка с ножом. Лежат там уже давно.

Окно без штор. Пустое. Деревянное. С кусками газет, наклеенных на сквозняковые трещины. В потолке лампа без абажура. Горит. За окном серые сумерки – толи утро, толи вечер. И желтое электрическое марево растекается по мокрой промокашке уличного света. Пейзаж за окном прост – пустырь в бесцветном снегу со щетиной голых кустов и высохшего репейника. На столе две банки шпрот, одна пустая, капли масла разбрызганы вокруг. Большой охотничий нож, криво отрезанный ломоть хлеба, с двумя хвостами коричневой рыбешки, хлеб местами маслянисто намок и блестит. Воздух стоит душным столбом табачного дыма. стакан сока. Какого? не разберешь. Скорее всего... желтого. Полная пе-

пельница. Окурки разные – что-то любовно докурено, что-то нервно затушено, и согнутая сигарета треснула на изгибе. Белый пепел покрыл толстые стеклянные края пепельницы. Бутылка водки «Привет» (не знаю, откуда, из каких ларьков прошлого занесённая на этот стол). Дешевая пузатая стопка с каплей внутри и с каплей снаружи. Пачка «Мальборо», слегка приоткрытая. Красная полупрозрачная зажигалка, газ почти закончился, огонёк маленький и синий.

Тишина. Звонящая. Чугунная тишина. Только в ушах шумит кровь с алкоголем. Упираюсь взглядом в блики на стекле, ибо за стеклом опоры нет, всё как туман, ненадежно. Голова чуть кругом. Глядя на бутылку, как бы примериваешься, поворачивая голову на бок. Зачем она здесь? Зачем я здесь? Я здесь прячусь. Прячусь от времени, разве забыл? Тогда водки! Горлышко звонко поцеловало край стопки, запах этила уже не бьёт в нос, уже привычен. Отрава, чуть поколыхавшись, устаканилась. Движение отточено, взмах руки, взмах головы. Чуть прохладная жидкость обожгла горло, затекла в желудок и затаилась. Потом, освоившись, весело и зло втекла в мозг. Улыбка оскалилась, отразившись в стекле. Будто собеседник бросил вызов. Но нет, я один. Я же спрятался. Встав с дерматиновой шаткой табуретки, также шатко устояв, двигаюсь в комнату. В единственную комнату. Продавленный диван, пустое место вместо телевизора. Прожженный в двух местах цветастый ковёр. Почему из кухни взял с собой нож. Положил под диван. Руки плетью легли

на колени. Голова упала на грудь. Нет желания лечь, но нет сил сидеть. В голове мусорный ветер и дым из трубы. Больше ничего. Убежал. Сбежал. Скрылся. И мысль – "А ищет ли кто-нибудь?" И предательски правдивая догадка чесоткой засела в мозгу – "Нет". Нет... И темнота перевешивает и заваливает непослушное тело на диван. Минуты, секунды, часы, века смешались в причудливый коктейль, и не понятно, что именно ты сейчас проглотил. Глаза открылись, не желая того. В голове шумело одиночество. "Водки". Не спасение, но отсрочка. Чуть касаясь стены, добрался до кухни. Есть не хочу, сок не хочу... Хочу чая. Подкопченный чайник зашипел на плите. Где-то была заварка. Были бы пакетики, было бы удобнее. Было бы. Нет, просто заварка, просто кипяток, просто сахар. Ничего лишнего. Всё та же тишина. Сладкий, горячий, горький. Чуть отпускает жжение в груди. Как научиться не путать огонь души с огнем преисподней? Пачка сигарет попала на глаза. Без мыслей, ибо в голове гудит пустота, шелестя, достаю сигарету, зажимаю зубами фильтр... Взгляд пуст. Секунды растекаются в бездействии. Что-то щелкает в мозгу, нужно щелкнуть зажигалкой. Кремень выдаёт сноп бесполезных искр. Лишь с третьего раза вялый язычок пламени затрепетал синей полусферой. Первые две затяжки пустые, на разогрев. И вот третья полновесная, во все усталые лёгкие. Дым повисает тяжелой занавеской посреди кухни. Нет сквозняка, есть тишина. Так захотелось нарушить эту вакуумность, так захотелось глоток

жизни, не той, из которой убежал, а той, что у других, свежей и морозной. Уверенно подхожу к окну, с усилием поворачиваю затворы и распахиваю форточку, разрывая и треща газетными полосками, прилипшими к раме. Холод омолодил лицо, но тут же прошёлся по костям и заставил сжаться несвежее тело. С холодом в комнату вползли звуки – одинокий лай собаки, далекий, громкий и пьяный разговор, слов не разобрать, хруст машины, проехавшей на углу дома. И снова тихо, лишь город гудит, как неживая турбинная установка. Душно и холодно. Закрыл окно, но сквозняк остался. Ненужный сквозняк. Лучше не стало. Пустота никуда не делась. Вот бы в том мире, из которого я убежал, образовалась такая же пустота. А пока пусто только во мне. Это я вырвал мир из души, это я остался простреленным на вылет, на вынос. Водки. Темная вода для любых проблем. Стопка, как старая шляха, приняла в себя жидкий яд. Уже не обжигает, уже просто стекленеет. И вдруг что-то с хрустом ломается внутри и, прорывая все дамбы и сметая всё на своем пути, в пустую душу врываются все слова, что ранили. Все. Ты, он, она, они. Разноголосый хор, холодные глаза, злой смех, слякоть, брызги, осколки неудач, нелюбовь...

Почему?!? Почему всё так? Почему всё это со мной?

Как сквозь ураган, выставив руку вперед, нужно быстро выпить следующую стопку, откусить, отряхивая крошки со рта, кусок хлеба со шпротиной, и тут же выпить ещё.

И закурить. Шторм утихает за мутным иллюминатором.

Уже качает, но ещё не укачивает.

Да и хрен с ним. Со всем. Со всеми. Вы не поняли меня. Не правильно поняли меня. Я со всем о другом. Я вам показывал закоулки души, пускай, невзрачные, но зато чистые. А вы подумали, что я сдаю в наём угол. И начинали торговаться и примеривать под свои комоды и шкапы. Отойдите. Нет, не нужен мне залог.

Поэтому мне пришлось убежать вместе со своими галереями и кельями.

И вот они навалом лежат под ногами, за диваном, в пельнице.

Пусть тут, пусть рядом со мной. Не отдам я вас. Никто не сможет больше в вас жить, кроме меня. Жаль, ведь вы очень уютны и по-своему красивы.

Плохая была идея вами делиться.

Еще одна плохая идея – ещё одна стопка водки.

Но других идей сейчас нет. Я уже выпил? Рюмка пуста. Не помню. Сигарета истлела. Ещё три штуки в пачке. Надо на утро оставить. А сейчас что? Сумерки. Часы по-предательски пошли в обратную сторону...

15 шагов до дивана. 15 тяжелых шагов. Диван как-то испуганно скрипнул. Нож. Почему он под диваном? Не важно. Всё не важно. Острый. А вот это важно. Острый и быстрый. Как это просто, оказывается. И не страшно. Если остро и быстро. Нет... Смысла в этом нет. И праздника в этом нет. Даже злого праздника в этом нет.

Подушка обратными сторонами перьев впилась в щеку. Но не остановила забытьё. Тягучее, зелёное, тошное забытьё. Ну, привет, черти.

Заходите, рассаживайтесь на моих ветвях. Показывайте, что тут у вас. Я надолго сюда. Я думал, у вас тут жарко. А тут холод могильный. Так вот отчего у меня в груди жгло всё это время? Это вы шалили? У вас тут не видно ни зги. Как же тут печально. А эта тонка красная кровавая линия и есть последняя черта? Ну что ж, пойдёмте. А вы, что не пойдёте со мной? Один. Один шаг. Всего один шаг. Глаза колет. Видимо, слезы замерзли. Не могу разглядеть, что там? За чертой? Толи знакомые силуэты, толи голые деревья колышутся после заката. Нога отрывается от земли. Последний её след вспыхнул по краям голубым газовым пламенем. Ну не ставить же ее обратно, ногу эту...

Свет молнией пролетел сквозь мозг. Ещё один разряд. Еще. Сияние стало ровным. Серый потолок, стены в красных подтекших обоях. И что-то светлое надо мной... Кто-то светлый надо мной...

Как меня нашли? Как запеленговали? Не трясите, я вижу, я слышу... Мне надо всплыть, не торопите меня, а то от перегрузки выскочит сердце. Всё, я с вами. Но не трясите...

Почему у вас злые слова на устах, а глаза такие испуганные? Я же прятался, я же был в убежище. Зачем искать того, кто прячется? Не плачьте... Мир не плачет, и вы не плачьте. Зачем же я прятался? Потому что мне было одиноко. Я

искал место, где всё будет честно. А честно лишь там, где никто меня не покупаете, не продаёт. Это значит, лишь там, где вершина или впадина. Где никто не живёт, где разряженный воздух или тяжелые воды. Там нет никого, но там рыбачат черти. Я думал, я умнее, я не попадусь, отсижусь под корягой... Но не плачьте, я всплыл. Вот моё сердце, оно мне больше не нужно, оно поцарапано вилами, теперь оно еще долго будет пахнуть серой. Хотите, храните пока его у себя. А я пойду... Какой чудесный мороз и солнце...

И кисточка от хвоста заметала его следы на свежем белом снегу...

«ПОСЛЕДНИЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ»

Музыка неуверенно пыталась согреть, но безуспешно. Мокрый воздух прилипал к лицу толи незамёрзшими хлопьями, толи замерзающими каплями. Стая бездомных листьев перебежала дорогу наискосок и спряталась среди опавших собратьев под кустом. Непогода кружила над головой, ожидая своего часа. Ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к последнему заклинанию и, закрыв глаза, я начал рисовать в памяти струящийся образ...

Всё началось необычно... Солнечный день зайцем ехал в троллейбусе. Последний солнечный день ехал в троллейбусе. Люди, которые примечали его, отводили глаза, стесняясь этой неуместной красоты. День тоже чувствовал себя неловко, потому что не знал всех ритуалов этой общественно-транспортной веры. К тому же его дорожный костюм вы-

глядел как фейерверк среди камуфляжа. Я сидел рядом, будто случайный попутчик любопытного, но испуганного чужеземца.

Поездка была не долгой. Дождавшись нужной остановки, день суетливо выскочил облаком на улицу, расправил кучевые кружева и неуверенно оглядываясь по сторонам, двинулся к парку.

Ему очень хотелось поскорее попасть на простор, что таился за забором.

И лишь добравшись до тенистой аллеи, день облегченно вздохнул и заулыбался, походка стала неспешной и прозрачной...

Деревья по-разноцветному закивали ему вслед.

Вот клён прислал желто-пятнистую записку, видимо, не решаясь заговорить.

Записка была немудреная, лишь пара строк – «Какая же, День, Вы красивая! Вам очень идёт эта солнечная дымка, что как шаль, наброшена на загорелые плечи».

День кокетливо склонил голову, подняв бровь, и поблагодарил дерево, ветерком пройдясь по седой и поредевшей кроне.

Мы двинулись дальше, петляя между севером и западом. Где-то высоко в ветвях закружилась и застыла в странной позе белка, сверяя свой хвост с рыжими локонами проплывающего по аллее облака...

А люди вокруг катали коляски, катались сами, молча ку-

рили, обсуждали ремонт, кто-то слушал радио, старики, оперившись на трости, вспоминали юность... Лишь дети, заглядывая в глаза последнему солнечному дню, беззаботно радовались. Их веселили голубые брызги в его серых глазах, словно лужи неба среди низких облаков. Дети смеялись, ведь только им было дано жить здесь и сейчас среди этих разноцветных листьев и синева, не придумывая будущее и не имея прошлого...

Мы вынырнули на площадь среди цветов. Хотелось хоть как-то удержать день, хоть за рукав, хоть обманом. Я выдумал лавочку и усадил своего странника.

Солнце не грело, а ласкало, словно мягкая ладонь легла на щеку.

День прикрыл глаза и о чем-то молча замечтал. Интересно, о чем может мечтать день? Особенно, если он последний солнечный.

Мне никогда этого не узнать, но даже узнав, не понять. Да я и не стал бы пытаться.

Я во все глаза смотрел, смотрел и грабил. Грабил без стеснения и методично, забирая себе, забирая в себя его исчезающие черты, надеясь, что у меня они не пропадут. Что я сумею их сохранить... И может быть когда-нибудь вернуть их, краснея. А день вскинет руки-ветки и без обиды молвит: «Ба, где ты это нашел, а уж думала, что потеряла эту зажмуренную улыбку».

Но вряд ли... Вряд ли я признаюсь... Ему-то что, просто

безделушки, которых полны карманы, а для меня это драгоценности...

Волшебник из меня тот ещё, и лавочка бесследно растворилась в пролетающей солнечной паутине. Прогулка начала сворачивать к чугунному выходу.

«Какой хороший ветерок», – сказал день, – можно ещё?» И листья послушно и мягко вновь пронеслись мимо нас.

День вдохнул полной грудью, посмотрел куда-то в сторону с улыбкой и взмыл в небо, где присоединился к стае улетающих журавлей...

А мне осталась на память лишь та кленовая записка, что сохнет меж страниц недописанной книги.

«МОДИЛЬЯНИ»

Я не Модильяни. Я не умею ловить свет пальцами.

Когда он закрывал глаза, то на его устах рождался поцелуй, что презирал Вселенную. Он не рисовал, он не писал, он даже не творил. Он с улыбкой смешивал на палитре свою жизнь с красным вином и делал последний штрих, приговаривая картину к вечности.

Я не Модильяни. Я не умею смеяться над незыблемым. Смеяться над этой будущей пустотой. А он смеялся и хлопал своими крыльями, роняя перья на стол. Он открывал секрет голубых оттенков, танцуя. Он разбрасывал их по всему мирозданию – от слез до смеха.

Я не Модильяни. Я не умею преломлять красоту, словно

призма, раскладывая ее на радугу и твои глаза. Эта тонкая грань между линией шеи и бесконечностью трепещется от дыхания, и нет возможности поймать ее в сачок, словно бабочку. Только он мог игриво проскользнуть по лезвию ножа и окровавленными босыми ногами станцевать тарантеллу.

Я не Модильяни. Я не сумею закрыть тот кран, из которого капает время, тонкой выпуклой струйкой пробираясь к сливу.

Но не закрывайте мне своей спиной этот арлекиновский витраж. Пускай я не автор этой фантазмагии ромбов на стекле, но я хотя бы сверкну переливами, я отражу в своих прозрачных боках и причудливо перемешаю замысел первохудожника. И быть может одна из бабочек усядется напротив моей набухающей капли и найдёт в ней узор для своих завтрашних крыльев.

Да, я не Модильяни. Я не умею говорить красками, но я умею видеть, как рисует свет фонаря на ночных тротуарах, я умею видеть, как порхают тяжелые и мокрые гроздья опоздавшего снега в просеках желтого ненастоящего света, я умею слышать шепот пустой улицы в безнадежных синих переливах сирен.

И что-то крылатое вылетает у меня из груди. Словно голубь. И если ты увидишь на дороге серое перо, значит, я кружу над тобой, значит, ты под крылом.

«ОТ АВТОРА»

Там, где нас нет,
Там беспечно плещет море,
И ветер на просторе
Гоняет солнечный свет.

Там далеко,
Там цветут мечты и розы,
Там живут стихи и прозы,
Там всё легко

В той стороне,
Где заря ласкает горы,
Где чисты слова и взоры
И небо в окне.

В тот дальний край
Мы отправимся с тобою
Звонкой весною
Верь и мечтай